

И ценности моей жизни

В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ С ВАСИЛИЕМ АКСЕНОВЫМ

Звездный билет на остров Крым

Писатель Василий АКСЕНОВ — фигура культовая для целого поколения. Поколение куда-то исчезло, а писатель остался. После выхода в 1979 году неоднократного альманаха «Метрополис» был вынужден уехать в Америку. Сейчас преподает там в университете, издает книги, регулярно наезжает в Россию. И все-таки что-то ушло бесследно. Что может сравниться с его славой в 60-70-е годы, когда глоток ироничной, свободной, джазовой аксеноноской прозы входил в его молодых читателей путем свободы, глотком счастья? И всего лишь одно разъяснение для тех, кто, может быть, не знает. Мама Василия Павловича, о которой он рассказывает в начале своего монолога, — писательница Евгения Гинзбург, автор знаменитого «Крупного маршрута».

Звериная серьезность борьбы поколений

• Стала ли эмиграция в Америку главным поворотным пунктом вашей жизни?

• Когда вы перестали быть культовым писателем?

• Что вообще происходит сегодня в литературе?

— У МЕНЯ в жизни было несколько поворотных моментов. Главный из них — не эмиграция в Америку, а приезд, когда мне было 16 лет, в Магадан, к маме. После одиннадцатилетней разлуки это было, по существу, знакомство с ней. Юность совпала с переходом в абсолютно другую жизнь. Магадан по тем временам был самым свободным городом Советского Союза, поскольку многие не боялись говорить то, что хотели. Им нечего было терять, ну отправят опять в зону, да и хрен с ним.

Я вдругоказался в интеллектуальной среде. Мама была на поселении, и народ из бывших зеков тянулся к ней. Профессора, которые работали вахтерами или мыли полы, приходили каждую неделю, вели интереснейшие разговоры. Для меня это имело колоссальное значение. Мама начала меня знакомить с частью запрещенной литературы, читая на память. В частности, Пастернака, которого не только не печатали — это был 48—49-й год, — но и из библиотек изъяли. Тогда, кстати, и Достоевского убрали с полок. Мама мне читала Гумилева, Ахматову, Игоря Северянина, которого она почему-то очень любила. Именно там я получил интеллектуальный заряд.

Самый драматический момент — когда ее забрали второй раз и я остался в 16 лет совершенно один. Было довольно круто. Я носил ей в тюрьму передачи, стоял в очереди. И видел толпы заключенных, идущих из порта в сторону инцидентной зоны, — все с номерами на спинах, некоторых в кандалах. А мы жили недалеко, и каждый день я проходил мимо этих людей и невольно спрашивал маму: «Что это, кто это такие, как это может быть?» Но она не торопилась раскрывать мне глаза на происходящее. Однако прямых объяснений не нужно было, я уже все понял. Я познакомился тогда с Советским Союзом.

Потом я учился в Ленинграде, в Первом медицинском. Это опять мне подсказала мать и ее муж, доктор Вальтер. Они сказали: «В литературный тебя не возьмут, иди-ка в медицинский — в лагере врачи лучше выживают». Нельзя сказать, чтобы я был обдеженным доктором по призванию. А тут в 59-м году в журнале «Юность» напечатали два моих рассказа, довольно слабые, они проплыли незамеченными. В следующем году подсели «Коллеги», я не ожидал, что будет такой шум. Потом — «Звездный билет». Тут полный скандал. Уже тогда нельзя было скандала сделать себе имя. Не то чтобы у меня от успеха захружила башка, но я репил, что мне надо отдавать все время литературе, медицину забросил.

Власти тоже думали, что не чувствовал и даже не понимал, почему столько народа ломилось на мое выступление. Однажды в зале сидело полторы тысячи студентов, а этажом выше шумел танцевальный вечер, и я сказал: «Шли бы вы лучше танцевать...» Нет, они сидели и выясняли, как там в «Звездном билете», была Галия верна герою или нет. Когда снимали в Таллине фильм «Мой младший брат», там Олег Даля, Андрей Миронов и Саша Збруев играли главные роли и после съемок они сидели в каком-то кафе в той одежде, в которой снимались,

джинсники, какие-то курточки. И человек за соседним столиком говорит: «Вы знаете, ребята, тут выпал роман в «Юности», вы очень похожи на его героя». Они говорят: «Так это мы есть».

Сейчас, конечно все изменилось. Если и осталась некоторая «культовая», то она не выходит за пределы межличностного общения. Я был года три назад возле Керчи, там такой пустынnyй залив, яшел по кромке моря. Мне навстречу молодой человек с собакой. Я присмотрелся и ахнул: мне навстречу бежал мой коккер-спаниель. «Воже, — говорю, — это копия моей собаки!» — «Ушика?» — спрашивал тот. Человек знал даже про мою собаку... Таких примеров довольно много. В прошлом году был в Астрахани — жуткое место возле рынка, полузатянутая толпа, и вдруг из троллейбуса выскочил человек и несетесь ко мне сквозь толпу: «Я не верю своим глазам — это вы?» Оказалось, читатель. Профессор местного педиатрического института.

Я не жалуюсь на невнимание читателя. И молодых людей встречаю, которые читают и увлекаются моими вещами. Другое дело, что в нашей литературной жизни сложилась вражебная среда. Вражебная ко всем вокруг, и в первую очередь, к тем, кто в своем образе жизни раздражает, либо местом проживания. Я думаю, что становлюсь некоторой жертвой этой автоматической вражды. Я не член тусовки и не могу вдруг защищать свои книги. Я пишу третью большую книгу — «Новый сладостный стиль», это лучшая моя вещь — она здесь выходит и получает всего две — три рецензии. На книгу рассказов вообще ни одной рецензии. То же с «Московской сагой». Признаюсь, если я до недавнего времени думал, что главное мое литературное пристанище — здесь, то сейчас стал в этом сомневаться. Когда выходят новые вещи в Штатах, то все литературные еженедельники тут же откликаются. То же в Франции, где продажа моих книг выше, чем в России!

Хотя, сравнив с прежним, грех жаловаться. Все, что я пишу, издается и переиздается. Помню, за три года до моего отъезда ко мне пришли два товарища и сказали, что у них есть рукопись моего романа «Ожог» и что я не вдумал его печатать за границей. Я говорю: «А где вы его взяли-то, этот роман?» Они говорят: «Это наша работа!» И добавили фразу, изумившую меня благородством: «Только не подозревайте своих товарищей».

Давление было ужасное и со стороны Союза писателей, и со стороны Комитета. Просто ходили за мной, устанавливали подслушивающие устройства. Мы приезжали на дачу, а дворничиха сообщала: «Гут заходит три молодых человека, взяли лестницу, залезли на ваш чердак и что-то там делали!». И потом они меня еще и предупреждали: «Знаете, вам надо быть очень, очень осторожным. Особенно по рулем». Так что в конце концов меня «ухали» с одновременным предложением отправить совсем в другую сторону.

В Америке я погрузился в университетскую жизнь. Вся моя «политическая деятельность» заключалась в том, что раз в неделю я приходил на «Голос Америки» и записывал текст. Иногда подписывал «письма». Помню, когда в «Московских новостях» напечатали «письмо десяти», в «Правде» появилась статья товарища Коринкова, где он писал: «Аксенов и К!», подразумевая, что я организовал всю эту «недостойную кампанию!». Хотите верьте, хотите нет, но я к этому документу имел довольно косвенное отношение, ни разу не прочитав его полностью. Просто позвонил Буковский и спросил, подпишу ли я? Я говорю, ну конечно, как не подписать.

Основная же подрывная деятельность заключалась, видимо, в моем обращении к радио-слушателям: «Добрый вечер, господи!» Мне рассказывали, что люди, обычно собираясь здесь на какой-нибудь выставке, или в магазине, или в библиотеке, звали на «корневом уровне». Возникает фантастическое изобилие товаров, растут торговые центры, и денег у населения все-таки становится больше, несмотря на невыплаты зарплат.

В прошлом году мы ехали из Самары, и проводница, милая женщина, заслала к нам в турпоездку, чтобы вернуться к нам в жизнь: «Все только матом посыпают. Почему? Неужели я заслуживаю, чтобы матом на меня посыпал?» И дальше без всякой логики: «26 лет работал на железнодороже, получаю такую чепуху, — плачет, — шестьсот тысяч полу-

мандовал писателем. Я еще за три страницы до конца не знал, чем кончится «Новый сладостный стиль», пока вдруг в голове не пришла идея «археологического трупа». Труп, покрытый медом из расколотившейся амфоры и так окаменевший, и в нем герой узнает себя.

Сейчас, конечно все изменилось. Если и осталась некоторая «культовая», то она не выходит за пределы межличностного общения. Я был года три назад возле Керчи, там такой пустынnyй залив, яшел по кромке моря. Мне навстречу молодой человек с собакой. Я присмотрелся и ахнул: мне навстречу бежал мой коккер-спаниель. «Воже, — говорю, — это копия моей собаки!» — «Ушика?» — спрашивал тот. Человек знал даже про мою собаку... Таких примеров довольно много. В прошлом году был в Астрахани — жуткое место возле рынка, полузатянутая толпа, и вдруг из троллейбуса выскочил человек и несетесь ко мне сквозь толпу: «Я не верю своим глазам — это вы?» Оказалось, читатель. Профессор местного педиатрического института.

Мне кажется, что нигде в мире сегодня нет культовых писателей в прежнем смысле. Сэлинджер может делать себя культовым писателем довольно просто — не писать ничего. Люди ходят, показывают друг другу: «Вот имена Сэлинджера», пытаются проникнуть внутрь, на них летят жуткие письма, которых спускает сам писатель. Вот так образуется кульп. Или Воннегут заявляет, что больше не будет писать. Как будто боксер, который говорит, что уходит с ринга. А так в Америке все же те же, кого мы называем: Стайрон, Апдейк, Филипп Рот... Неважно, натолкнулся в статье молодого критика на слова: «Апдейк и Рот — эти ломовые лошади американской литературы...» Там идет своя борьба поколений. Но не с такой звериной серьезностью, как у нас.

Я говорю не о репрессиях по отношению к ним. Но указывать на этих людей, напоминать некоторые моменты из их биографии — необходимо. Во что превратила слушания по делу о преступлениях партии? В пародию. Я помню, как Фалин смешал с деревом Шахрай, который ни слова не мог ему сказать, когда каждый пункт обвинения тот осмеивал при всех. Почему никто не сказал, что именно вы, Фалин, лично отвечаете за то-то и то-то, поскольку сами были адептом этой империи лжи? И вот постепенно общество сдвигается в эту грязную, липкую, военную лужу.

Б обществе происходит опьянение деньгами. 75 лет были сертификаты, на которые что-то надо было достать, стоять в очереди, давать на лапу. И вдруг появился деньги, на которые можно купить что угодно, поехать за границу. Из-за финансовой реформы произошло чудо — превращение деревянных рублей настольного народа опьянял и малость «поехал». Огромные массы людей сейчас стараются обогатиться и очень этим увлечены. Открыты хороший магазин — это ведь не меньшее творчество, чем написать роман. И все это вместе с современными, которые не могут приспособиться. О них, как зеве, должны заботиться государство и благотворительные фонды.

Но то, что мне не нравится все больше — с каждым приездом, с каждым годом, — это изменение общественного климата. Все ощущают антизападный крен, националистический крен, в котором даже интелигенция начинает принимать участие. Ужасная настальгия разлила повсюду и особенно на телевидении. Включая на днях и вижу фильмы, где Владимир Ильин Ленин — такая душка, такой умный и великий, и все красногвардейцы такие замечательные. Да смотрите хоть «Кубанские казаки», но настальгия есть, как это можно? Сколько они изменились смысливо относиться к этому. Никита Михалков говорит на съезде, что советская кинематография — это возможные два варианта. Или Россия защищает Запад как свою весомую и интегрированную часть. Или в один прекрасный момент ее поглощает Китай — сейчас такой мирный, такой торговый и все-таки красивый. Он может поглотить эту землю без всяких усилий, и Россия тогда станет его жалким вассалом.

А то, что именно благодаря

Западу жизнь в России основательно улучшилась за последние три четверти века, для меня очевидно. Тут и роль доллара как стабилизирующей валюты, и то, что Запад балансирует ситуацию в критических случаях, приглашая Россию в партнерство. И при этом мы собираемся объединиться с Китаем, имея в виду, что против Запада? Объединяйтесь, пожалуйста, если хотите быть сателлитами.

Кровавые конфликты на самом деле назревают. Например, по поводу Крыма. Может, вы будете смеяться, но я думаю, что Россия должна купить Крым у Украины. Не сегодня, не завтра, но, скажем, по пропустив лет десяти предложите хорошую сумму. Я ездил в Керчь по приглашению «Боспорского форума культуры», который проводит группа молодых авангардистов, словно вышедших из романа «Остров Крым». Им кажется, что Крым должен превратиться в землю обетованную мировой интеллигентской элиты, которая

стала смысливо относиться к этому. Никита Михалков говорит на съезде, что советская кинематография — это возможные два варианта. Или Россия защищает Запад как свою весомую и интегрированную часть. Или в один прекрасный момент ее поглощает Китай — сейчас такой мирный, такой торговый и все-таки красивый. Он может поглотить эту землю без всяких усилий, и Россия тогда станет его жалким вассалом.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всенародного голосования о реформах в России.</